

Начало

После успешной экспедиции на Нижний Амур мы возвращались в столицу Приморья. Стояло жаркое лето. В «горячей точке», - в мирном, геологическом, смысле этого слова – на древнем вулкане Ядасен мы отобрали пробы лейцитовых базальтов, чтобы понять, почему восемнадцать миллионов лет тому назад он появился вдруг там, где его «не ждали», - в платформенной области. Словно кумулятивный заряд, разогретая мантия проплавила здесь земную кору, образовав одинокий вулкан. Уже разрушенный, вспоминающий, наверное, свою горячую молодость, когда он закрывал небо тучами пепла и, как семечки, выплевывал раскаленные валуны, вулкан и сейчас одинок, - небольшим островком он возвышается посреди широкого мутного озера с почти итальянским названием Болонь. Местные жители, правда, когда его произносят, делают ударение на первом слоге, поэтому в их транскрипции это сходство теряется.

Лишь изредка посещаемый рыбаками и геологами, вулкан Ядасен молча наблюдает, как мимо него проносятся на своих моторках невозмутимые и гордые нанайцы. Они работают - проверяют свои рыболовные сети. На южной оконечности озера стоит посёлок Джуен, в котором они испокон веков живут. На единственной его достопримечательности - маленькой стеле, поставленной в честь погибших воинов в Великую Отечественную войну, выбиты десять фамилий. Девять из них – Киле, одна – Ходжер.

Нанаец Юра, тоже Ходжер, на своём «Урале» с коляской довёз нас от станции Болонь до Джуена, а потом до мыса Сактахонко, где напротив уснувшего вулкана мы поставили свои палатки. Сменив мотоцикл на лодку, Юра и дальше нас опекал, - переправлял на остров и забирал обратно, оставляя всякий раз по крупному сазану. После завершения работ за два рейса в обратном направлении он перевёз нас до станции, - где «взял», туда и «положил».

В купе пассажирского поезда «Советская Гавань-Владивосток» вместе с дальневосточными учёными-геологами Владимиром Георгиевичем Сахно и Александром Чащиным мы с большим теплом вспоминали нашего благодетеля, а также необыкновенный вкус ухи из подаренных им сазанов.

Столько было переговорено, столько историй рассказано за эти дни, особенно, конечно, Владимиром Георгиевичем! Он начал свои путешествия ещё школьником более пятидесяти лет назад, с геологическими экспедициями объездил весь Дальний Восток, побывал во многих переделках. Результаты своих исследований он изложил в двух диссертациях о вулканитах – кандидатской и докторской.

Находясь под впечатлением от его рассказов, я сказал Сахно: «Почему бы Вам не написать книгу обо всем этом, чем Вы хуже Арсеньева?». Ответ был такой: «Если я что-нибудь и напишу, то только для своих внуков». Осталось только сожалеть об этом его решении.

Тогда я и сам подумывал о том, чтобы написать свою книгу, ведь в моей жизни, хоть и менее короткой, тоже было немало путешествий и приключений, а в газете «Дальневосточный Ученый», издаваемой Президиумом Дальневосточного отделения Российской Академии Наук, появился мой первый рассказ, названный в данном сборнике «Тени появляются на закате», а в голове «теснились в отваге» сюжеты других повествований.

Начать – значит полдела уже сделать. За первым рассказом этим же летом был написан второй, затем третий и четвёртый. Писать их было легко и приятно, - я мысленно проходил старыми своими маршрутами по Сихотэ-Алинской тайге, взбирался на Курильские вулканы, бороздил Тихий океан, гулял по Владивостоку, в который влюбился с первого взгляда.

Никакой другой философии, кроме утверждения, что в любой ситуации не следует вешать носа, в моих рассказах нет. Нет многого другого. Но всё же я уверен, что воображение того, кто проливал пот на горных склонах; ловил рыбу в облизывающих

гранитные скалы прозрачных быстрых реках; срывал губами мягкие шарики прихваченной ночными заморозками голубики; ночевал у костра, когда космический холод пытался проникнуть в душу; любовался с вершин застывшими волнами нескончаемых гор; слушал посвист ветра в трепещущей под напором стихии палатки, - его воображение дорисует всё то, чего нет в этой книге, он вспомнит свои приключения и, возможно, тоже захочет ими поделиться ...

... Впервые на Дальний Восток я попал после четвёртого курса геологического факультета МГУ, приехав на преддипломную практику, причём не совсем обычным способом - на железнодорожной платформе (подробности - в «Курильских страданиях»). Окончив учёбу в университете, по «собственному желанию» оказался во Владивостоке в Дальневосточном Геологическом Институте Академии Наук. Набрал опыта и материала, приехал назад в Москву, обучаться в аспирантуре на родной кафедре петрографии и подтвердить свою квалификацию защитой кандидатской диссертации.

Окончательно распрощавшись с Москвой, вернулся на Дальний Восток, сначала во Владивосток, в ДВГИ, а затем – «по семейным обстоятельствам» - почти на двадцать лет переехал в Благовещенск. Уже работая там, однажды взял и написал в газету "Дальневосточный ученый" маленькую заметку. Её сразу поместили в «подвале» первой страницы под рубрикой «Скоро – в поле». Ввиду небольшого объёма, приведу её полностью, не меняя ни единого слова, и тогда не надо будет дополнительно писать о моём отношении к выбранной профессии, с тех пор в нём ничего не изменилось.

«Приближение летнего экспедиционного сезона – полевых – мы, геологи Амурского комплексного НИИ, чувствуем на собственных шкурах уже в январе, когда под наши лопатки вонзаются иглы шприцов, делая бессмысленными будущие попытки энцефалитных клещей уложить нас в постель метаться в горячечном бреде.

В апреле начинаем ощущать непонятное беспокойство, а вдруг почуянный дым от сжигаемых дворниками прошлогодних листьев и сухих веток вдруг явственно напоминает, чего нам не хватает: житья без коммунальных удобств, когда нет водопроводных кранов, а есть чистые нехлорированные реки; нет четырёхлапых газовых плит, забивающих лёгкие продуктами сгорания пропан-бутана, а есть живой и тёплый костёр, который и кормит, и греет и создаёт удивительный комфорт души и тела; нет равнодушных накрахмаленных простыней, зато есть такой уютный и свойский спальный мешок.

В общем, начинаешь понимать, что нужно вынимать из стальных сейфов продремавшие всю зиму коричневато-зелёные с голубыми жилками рек топографические карты, набивать рюкзаки старыми рубашками и изучать расписание поездов, самолётов, теплоходов...

Будет, конечно, трудно. Придётся пролить двести раз по семь потов. Но никогда мы не скажем: «Пропади всё пропадом, в поля я больше не езду». Потому что это наша работа, и мы её любим» («Дальневосточный Учёный», №13 (741), 2.Ш.1988 г).

...Под небом голубым есть город в " Золотой Долине ", – когда-то это место называли то Уральской Калифорнией, то Уральским Клондайком, и самый большой российский самородок весом в 36 килограммов был найден именно здесь. Среди зелени гор и синевы озер растянулся он на три десятка километров и называется Миасс. Это на Южном Урале. В этом уголке, одном из самых красивых мест на Земле, я сейчас живу, хотя выбранная мной профессия не даёт засиживаться дома, поэтому меня можно встретить то в Ноябрьске, то в Мурманске или Ханты-Мансийске, Уральске или Самаре, лететь вместе со мной в одном вертолёте и смотреть на извивы Оби, пробираться на вездеходе по сибирской тундре, или в степях Казахстана сидеть в вагончике газокаротажной станции, наблюдая на экране компьютера за режимом бурения нефтяной скважины.

Как пионер, я всегда готов к новым приключениям. О некоторых, что в моей жизни уже случились, пойдёт речь в коротких рассказах, представленных на суд моих коллег по

работе в замечательном ДВГИ, отмечающий свой уже 45-летний юбилей. Его я всегда помню как место, где начал свою трудовую деятельность, заимел верных надёжных друзей. В моих рассказах (хотя, в литературном смысле этих слов, называть так их было не совсем корректно, ведь в «настоящих» рассказах и повестях всегда есть место выдумке, чего начисто лишены мои «писания») нет морализаторства и анализа того, как я "дошёл до жизни такой", а лишь зарисовки с натуры, только то, что **действительно было!** Тем, кто хочет познакомиться с моими произведения более полно, рекомендую заглянуть на сайт geo74.narod.ru, там и фотографий больше.

Г. Ботряков